

Fergus Home
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Fergus Hume

Фергюс
Х Ъ Ю М

Мадам Мидас

Москва
2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х11

Fergus Hume
MADAME MIDAS

Хьюм, Фергюс.

Х11 Мадам Мидас / Фергюс Хьюм ; [пер. с англ. А. Овчинниковой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Фергюс Хьюм. Серебряная коллекция).

ISBN 978-5-699-91346-6

Австралия, конец XIX века. Недавно здесь открыли богатейшие месторождения золота, и в стране вспыхнула золотая лихорадка. Буквально за считанные месяцы простые фермеры и бродяги стали миллионерами. Тогда же на весь континент прогремело имя миссис Вилльерс, хозяйки одного из приисков. За свою необычайную удачливость она получила прозвище Мадам Мидас — ибо, казалось, все, к чему прикасалась эта женщина, обращалось в золото. Но удача — это звонкая монета, которая не всегда выпадает орлом... Неподалеку от прииска Мадам Мидас к берегу причалила лодка с двумя беглыми преступниками. И один из них — молодой, красивый и хитроумный француз, привыкший жить за чужой счет. Узнав о богатстве Мадам Мидас, он составил блестящий план захвата ее владений...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод на русский язык. Овчинникова А.Г., 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-699-91346-6 ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

ВЫБРОШЕННЫЕ МОРЕМ

Дикий мрачный берег с длинными, исхлестанными прибоем мысами бросал вызов буйным волнам, которые яростно кидались на твердые скалы, оставляя у их подножья простыни бурлящей пены.

Вдали виднелись два таких мыса. Окаймленные зазубренными скалами, они уходили далеко в море и постепенно скрывались под вздымающимися валами; лишь полоски белой пены время от времени мелькали на темно-зеленых волнах, говоря о том, что под водой таятся камни. Два мыса разделяло примерно полмили желтого песчаного берега, на который с глухим ревом накатывались волны, выбрасывая на мокрый песок многоцветные завитки морских водорослей и изящные ракушки.

В глубине берега полукругом высились утесы, черные и крутые, примерно в сотню футов высотой. Стаи гнездившихся на утесах белых чаек с нестройными криками кружили над скалами или устремлялись в сторону моря на раскинутых твердых крыльях.

Бледно-зеленая кайма на вершинах суровых утесов говорила о том, что там растет трава. С высоты птичьего полета можно было увидеть, что трава постепенно переходит в обширные пастбища, обрывающиеся возле лес-

6 Фергюс Хьюм

ных зарослей, а за зарослями встают гигантские горы, вершины которых покрывает снег.

И над диким бесплодным берегом и странно контрастирующим с ним мирным нагорьем нависло пылающее красное небо... То был не нежный розовый цвет обычного заката, а неистовый воспаленный багрянец, окрашивающий мокрый песок и темную ширь океана в цвет крови.

Далеко на западе солнце — шар расплавленного огня — опускалось за снежные пики, пересеченные длинными линиями мрачных туч; они походили на тюремные решетки, сквозь которые взирает чье-то яростное око.

А на востоке к зениту поднималось огромное черное облако, странным образом напоминающее гигантскую руку, которая угрожающе тянула к земле длинные тонкие пальцы, словно собираясь схватить ее и утащить в мрачное кровавое море. Еще одна жестокая, странная сцена, фантастическая, нереальная и причудливая, словно один из изумительных рисунков Доре.

Внезапно на красных водах появилась черная точка: она то поднималась, то опадала на неутомимых волнах, и каждая новая волна влекла ее все ближе к мрачным утесам и песчаному берегу.

Вот до берега осталось не больше мили... То, что издалека казалось крупинкой, обернулось лодкой. Самый обычный ялик, выкрашенный в тускло-белый цвет, сильно потрепанный волнами, с легкостью швыряющими его по алому морю. Маленький парус одномачтового суденышка, весь изорванный и залатанный, каким-то чудом уцелел и, наполненный ветром, влек лодку к берегу.

В хрупком суденышке находились два человека: один из них, стоя на коленях на носу ялика, прикрывал руками глаза от солнца и жадно вглядывался в утесы. Дру-

гой сидел в центре лодки в позе, выражавшей угрюмое смирение, и, склонив голову, удерживал натянутый парус с помощью обмотанной вокруг кисти руки крепкой веревки.

Оба мореплавателя хранили молчание, пока до берега не осталось совсем немного. Тогда мужчина на носу встал — высокий, осунувшийся — и с грубым ликующим смехом протянул руки к суровому берегу.

— Наконец-то! — напряженно и хрипло воскликнул он на чужом в этих краях языке. — Наконец-то свобода!

Второй никак не отозвался на взрыв чувств своего спутника: он продолжал таращиться на дно лодки, где лежал маленький бочонок и валялся мешок заплесневелых галет — все, что осталось от их припасов после долгого путешествия.

Стоявший на носу, как видно, и не ожидал услышать ответ товарища и даже не повернул головы, чтобы на него посмотреть. Мужчина стоял, скрестив на груди руки, жадно вглядываясь вперед... Наконец очередная волна резко швырнула лодку на берег, отчего он полетел вверх тормашками на влажный песок, быстро вскочил и, пробежав по берегу несколько шагов, повернулся, чтобы посмотреть, как там дела у его спутника.

Второй мореплаватель тоже упал в море, но поднялся на ноги и теперь выжимал воду из грубой одежды.

Увидев валяющийся на берегу обкатанный водой валун, высокий мужчина подошел к нему и уселся. Тем временем его компаньон, очевидно с более практическим складом ума, собрал выпавшие из мешка черствые галеты, осторожно взвалил на плечо бочонок и, присоединившись к своему товарищу, сбросил свою ношу у его ног. Потом он устало растянулся на песке, взял галету и принялся размеренно жевать.

8 Фергюс Хьюм

Высокий вытащил из-за пазухи жестяную миску и мотнул головой в сторону бочонка, на котором его спутник разложил свои галеты. Сбросив их, тот поднял бочонок и вытащил затычку, после чего немного воды стекло в жестяную миску. Не вставая с камня, высокий выпил все до капли и швырнул миску на песок. Его спутник, понимая, что в бочонке ничего не осталось, уставился на товарища волчьим взглядом. Но сидевший на валуне не обратил ни малейшего внимания на мрачный взгляд своего друга: он тоже принялся жевать галету, оглядываясь по сторонам.

Эти двое морских бродяг, выброшенные морем на необитаемый берег, были совершенно не похожи друг на друга.

Тот, что сидел на валуне, был высоким, хрупкого сложения молодым человеком лет тридцати, с львиной гривой рыжеватых волос и короткой щетинистой бородкой того же цвета. Его лицо, бледное и осунувшееся от недоедания, было тонким и умным. В черных глазах, контрастировавших по цвету с волосами, плясали искорки, которые, хотя и не были оскорбительными, внушали всем, на кого бы ни смотрел этот человек, тревожное чувство неуверенности. Над глазами выгибались тонкие точеные брови; руки молодого человека, хотя и огрубевшие и грязные, тоже были тонкими и изящными, и даже растоптанные тяжелые сапоги не могли скрыть красоты сложения его ровных и сильных ног. На нем был грубый голубой костюм, весь изорванный, в пятнах от морской воды; на рыжей копне спутанных волос каким-то чудом держалась красная вязаная шапка.

Спустя некоторое время молодой человек отшвырнул в сторону недоеденную галету и с циничной улыбкой по-

смотрел на своего спутника. Лежащий у его ног мужчина был неотесанным и нескладным, приземистым, тяжелого сложения, с черными волосами и такой же черной густой бородой. Руки его были длинными и мускулистыми, босые ноги — большими и неуклюжими; вся его внешность говорила о том, что он из простолюдинов. Невозможно было определить, какого цвета у него глаза, потому что он упорно глядел в землю с таким угрюмым и угрожающим выражением лица, что казался крайне непривлекательной личностью.

Молодой человек некоторое время смотрел на него холодным оценивающим взглядом, потом с трудом поднялся на ноги.

— Итак, — быстро заговорил он по-французски, махнув рукой в сторону хмурых утесов, — итак, мой Пьер, мы на земле обетованной. Хотя, должен признаться, — он пренебрежительно пожал плечами, — земля эта выглядит не столь уж и обетованной. И все-таки мы на суше, и это великолепно! Сколько дней нас мотало в дурацкой лодке, где от смерти нас оделяла всего пара досок!

Молодой мужчина снова выразительно пожал плечами.

— Ба! Почему я должен называть эту лодку дурацкой? Она унесла нас из Новой Каледонии¹, этого ада на земле, и доставила целыми и невредимыми на землю, которая вполне может оказаться раем. Мы не должны проявлять неблагодарность по отношению к мосту, который привел нас в... Эй, друг мой!

Человек, которого звали Пьером, кивнул в знак того, что слышит, потом показал в ту сторону, где осталась

¹ Новая Каледония — остров в южной части Тихого океана, в 1500 км к востоку от Австралии и в 2000 км к северу от Новой Зеландии; принадлежит Франции.

10 *Фергюс Хьюм*

лодка. Его спутник тоже взглянул туда и увидел, что начался прилив и лодка медленно уплывает от берега.

— Полагаю, она возвращается к своему настоящему владельцу, — невозмутимо проговорил молодой человек. — Ну и пусть себе плывет. Она нам больше не нужна, потому что мы теперь, как Цезарь, перешли Рубикон. Мы больше не каторжники во французской тюрьме, друг мой, а потерпевшие кораблекрушение моряки... Слышишь?

Его черные глаза блеснули.

— Потерпевшие кораблекрушение моряки! И я всем буду рассказывать историю о кораблекрушении. К счастью, я могу положиться на твое благоразумие, поскольку ты лишен дара речи и не сможешь мне возразить! Впрочем, ты не стал бы возражать, даже если б и умел говорить.

Немой медленно встал и показал на утесы, грозно возвышающиеся над ними. Молодой мужчина в ответ на невысказанную мысль беззаботно пожал плечами.

— Мы должны туда вскарабкаться, — не задумываясь, заявил он. — И давай надеяться, что вершина не окажется такой же негостеприимной, как этот берег. Я не знаю, где мы сейчас; знаю только, что в Австралии. А в Австралии водится золотишко, друг мой, и мы обязаны урвать свою долю! Поставим свою галльскую смекалку против английской тупости — и посмотрим, чья возьмет. У тебя есть сила, у меня — мозги, поэтому нас ждут великие дела. Но... — Он выразительно положил руку товарищу на грудь. — ...Не отступаем и никого не щадим! Слышишь, что я говорю?

Немой яростно закивал и с наслаждением потер неуклюжие руки.

— Ты не читал Бальзака, друг мой, — продолжал молодой человек, словно ведя диалог. — Иначе я процитиро-

вал бы тебе Растиньяка¹. Между нами и обществом началась война. Но хотя у тебя и нет знаний, у тебя есть воля, и мне этого достаточно. Вперед, сделаем первый шаг к нашему богатству!

С этими словами он повернулся и, не оглядываясь, зашагал к ближайшему мысу. Немой, склонив голову, неуклюжей походкой последовал за ним.

Над мысом долго трудились дождь и ветер; благодаря их объединенным усилиям, от скал отваливались огромные камни, которые лежали теперь беспорядочными горами у основания утесов. На этих камнях можно было отыскать неудобные, но прочные уступы для ног, и двое авантюристов с большим трудом — ведь они были слабы после лишений, которые вытерпели во время пути из Новой Каледонии, — сумели взобраться до середины утеса. Тут они прервали подъем, чтобы отдышаться и осмотреться по сторонам.

Мужчины находились в опасном месте, поскольку зависли на узком уступе между небом и землей, и малейший неверный шаг мог стоить им жизни. Высившаяся над ними громадная скала была почти отвесной, однако тут и там на ней виднелись выемки, по которым можно было попробовать вскарабкаться наверх. Правда, такая попытка сулила почти верную гибель, но эти двое были совершенно безрассудными людьми и знали: если им удастся забраться на вершину, они будут в безопасности. Поэтому мужчины твердо решили попытаться одолеть вторую половину подъема.

— Поскольку у нас нет орлиных крыльев, друг Пьер, — сказал молодой человек, оглядевшись по сторонам, — мы

¹ Растиньяк — герой романа Бальзака «Отец Горио», беспринципный выскочка, готовый на все ради денег.

12 *Фергюс Хьюм*

должны забраться туда, где сможем найти опору для ног. Бог защитит нас... А если не защитит Он, — добавил он с глумливой ухмылкой, — то дьявол всегда присматривает за своими!

Он пополз вдоль узкого уступа и с громадным трудом забрался в нишу наверху, цепляясь за редкую сорную траву, которая росла в щелях бесплодного утеса. Пьер последовал за ним, а молодой мужчина между тем без остановки продолжал подъем, цепляясь за торчащие камни, длинные пряди грубой травы и за все, что только мог нашарить руками. Время от времени какая-нибудь морская птица с дикими криками бросалась в лица людям, и от внезапного испуга они едва не теряли опору под ногами.

По мере подъема трава становилась все гуще, а склон утеса — более покатым, и последняя часть подъема далась им уже гораздо легче.

Наконец, спустя полчаса тяжелых испытаний, путники ухитрились добраться до вершины и, задыхаясь, бросились на короткую сухую траву, окаймлявшую грубый утес.

Лежа почти без чувств от усталости и голода, люди слышали, словно в дурном сне, дремотный шум волн внизу и нестройные крики чаек, кружащих вокруг своих гнездовий, в которые растревоженные птицы не спешили возвращаться.

Отдых пошел товарищам на пользу; вскоре они смогли встать и оценить ситуацию.

С одной стороны перед ними простиралось море, с другой — поросшая травой холмистая местность, на которой здесь и там росли купы деревьев. Из-за быстро сгущающихся ночных теней деревья казались серыми и размытыми. Еще беглецы увидели лошадей и коров, бро-

дивших на полях вдаль — значит, рядом имелось человеческое жильё.

Внезапно в далеком доме, который двое мужчин поначалу не заметили, засиял яркий свет. Для усталых морских бродяг свет этот стал звездой надежды.

Они молча переглянулись, и молодой человек снова повернулся к морю.

— Позади, — сказал он, показав на восток, — французская тюрьма и две разрушенных жизни — твоя и моя. Но впереди, — он обернулся к тучным полям, — богатство, еда и свобода! Пойдем, друг мой; пусть нас ведет этот свет, наша звезда надежды — и кто знает, какая слава нас ожидает? Нашей прежней жизни больше нет... Мы начинаем новую в этом новом мире, во всеоружии горького опыта, который придаст нам мудрости. Так идем же, мой молчаливый друг!

И мужчина медленно двинулся вниз по склону к полям, а немой последовал за ним, все так же понурился головой, с прежним выражением угрюмого смирения на лице.

Солнце исчезло за снежной грядой, и когда красный свет угас, ночь накинута на небо серую вуаль. Здесь и там засияли звезды. Морские птицы снова отыскивали свои гнезда, их нестройные крики смолкли...

Лодка, доставившая авантюристов на берег, медленно дрейфовала в открытом море, а на востоке огромная туча, похожая на черную руку, угрожающе протянулась к двум людям, без остановки шагающим по росистой траве вперед. Эта рука как будто стремилась затащить их обратно в тюрьму, из которой они чудом спаслись.

ЧАСТЬ I

Глава 1

УЧАСТОК ПАКТОЛ

В ранние дни Австралии, когда золотая лихорадка была в разгаре и сегодняшний изумительный Мельбурн походил скорее на большой лагерь, чем на город, жил-был человек по имени Роберт Кертис. Вместе со многими другими он прибыл в новую землю Офир¹ на поиски счастья.

Мистер Кертис был из хорошей семьи, но его исключили из Оксфорда за то, что он придерживался некоторых странных взглядов, полностью противоречащих теологическим догматам университета. К этому преступлению он прибавил женитьбу на хорошенькой девушке, чьим единственным состоянием было ее лицо и родители которой, как говорится в сказках, были бедными, но честными. Однако бедность и честность не являлись в глазах мистера Кертиса-старшего достаточными рекомендациями для подобного брака, поэтому он тотчас последовал установленному Оксфордом прецеденту и изгнал сына из семейного круга. Тогда молодой джентльмен и его жена отправились в Австралию, полные амбициозных мечта-

¹ Офир — упоминаемая в Библии мифическая страна, славившаяся своим золотым изобилием.

ний о том, как они сколотят там состояние, а когда вернутся, изгнавшие их устыдятся.

Однако их мечтам не суждено было сбыться, потому что не прошло и года после их появления в Мельбурне, как миссис Кертис умерла, родив девочку, и Роберт снова оказался один в целом мире, к тому же имея на руках обузу — маленького ребенка. Кертис был не из тех людей, которые предаются бурным излияниям чувств, и не показывал открыто своего горя, хотя, без сомнения, глубоко скорбел о потере хорошенькой жены, ради которой пожертвовал столь многим.

Как бы то ни было, он принял быстрое решение и, поручив ребенка заботам одной старой леди, отбыл в Балларат и принялся сколачивать состояние.

Хотя удачливость Кертиса вошла в поговорку и вскоре он стал богатым человеком, на этом молодой джентльмен не остановился. Будучи по натуре прозорливым, Кертис понял, какую важную роль Австралия будет играть в мировой истории, и на золото, которое добывал своей киркой, повсюду скупал землю — особенно в Мельбурне, уже тогда постепенно становившемся метрополией. Пятнадцать лет мужчина вел бурную жизнь, а потом вернулся в Мельбурн, чтобы осесть там. В Мельбурне Кертис обнаружил, что дочь его выросла и превратилась в очаровательную девушку — точную копию его покойной жены. Он построил дом, занялся политикой и вскоре стал знаменитым человеком в усыновившей его стране. Роберт положил огромную сумму на счет своей дочери — эти деньги никто не мог тронуть, даже ее будущий муж! — и представил ее обществу.

Мисс Кертис сделалась первой красавицей Мельбурна, и ее очаровательное личико вкупе с более существенной красотой ее богатства вскоре собрали вокруг девуш-